

Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности*

В. Д. Курганская¹, В. Ю. Дунаев¹, А. Сагикызы^{1,2}

¹ Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, 29

² Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр. аль-Фараби, 71

Для цитирования: Курганская В. Д., Дунаев В. Ю., Сагикызы А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 487–499.

<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.404>

В статье анализируются взаимосвязи процессов формирования ценностно-смысловых структур личной и групповой идентичности с процессами виртуализации социальных институтов и информационно-коммуникативных практик. Обосновывается положение о том, что приоритетным направлением феноменологического анализа и социально-философского исследования трансформаций идентичности в современном мире является поиск ответа на вопрос: *Как человек создает виртуальную реальность и как виртуальная реальность создает человека?* Присутствие виртуального плана в интенциональных структурах идентичности демонстрируется на примере ранних феноменологических текстов М. М. Бахтина. Показывается, что ноэтико-ноэматиическое поле идентичности формируется в интерактивном моделировании отношения я-для-себя к виртуальному присутствию другого. Одним из наиболее перспективных подходов к выявлению интенциональных структур идентичности в «жизненном мире» индивидов и социальных групп является социология знания. В ее парадигме «социальное конструирование реальности» рассматривается как *объективный* социально-исторический процесс становления реальности *интерсубъективного* мира. Делается вывод о том, что виртуализация информационно-коммуникативного поля интерсубъективности функционально взаимосвязана с трансформациями смысловых контекстов идентификации индивидов и социальных общностей. В современном мире социальные группы переведены из статуса базовых элементов социального бытия в виртуальный план существования. Виртуальные страты, эти спонтанно возникающие и столь же неожиданно рассыпающиеся «как бы сообщества» (З. Бауман), становятся моделирующими системами идентичности. Возникновение сети Интернет послужило триггером взрывного ускорения, а затем и приоритетной формой глобального развертывания процессов формирования новых типов идентичности, новых моделей и стратегий ее конструирования в рискованных экспериментах и свободной игре с различными версиями-аватарами собственной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, виртуальная реальность, коммуникация, интернет, сетевое общество, гипертекст.

---

* Статья подготовлена в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК — грант BR10965263 «Социальная модернизация казахстанского общества: идейно-мировоззренческие основания, концептуальные модели, социокультурные процессы, социально-политические технологии».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Феномен идентичности — одна из наиболее обсуждаемых тем в современном социально-гуманитарном дискурсе. «Пожалуй, никакой иной аспект нашей жизни не привлекает сейчас такого внимания философов, социологов и психологов» [1, с. 176]. Идентичность становится не только приоритетным предметом исследования, но также выступает своего рода универсальной матрицей, переформирующей многие традиционные и новые предметные области социально-гуманитарного знания. Сквозь призму идентичности рассматриваются фундаментальные дилеммы и стратегические конфликты эволюции общества, проводятся анализ, оценка и прогнозирование возможностей и перспектив, но также рисков и угроз, которые несут с собой глобальные мегатренды современного мира. С. Хантингтон (Samuel Huntington) в своих работах всесторонне обосновывает положение о том, что «фундаментальный вопрос идентичности» является осью становления современного многополюсного мирового порядка [2, р. 125]. В этой связи закономерно, что традиционная политика интересов во многом преобразуется в политику идентичности как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных стран. По убеждению составителей Доклада ООН «Культурная свобода в современном мире», в основе нового политического проекта, отвечающего реалиям XXI в., должен лежать принцип политико-правовой легитимности множественной, взаимодополняющей, «контекстуально-лабильной» идентификации, выходящей за пределы государственных границ [3, р. 107]. Реализация этого глобального политического проекта не только обеспечивается, но в определенном смысле предписывается новыми информационно-коммуникативными технологиями, трансформирующими фундаментальные, системообразующие принципы организации социума.

В концепции социологии знания Питера Бергера (Peter Ludwig Berger) и Томаса Лукмана (Thomas Luckmann) [4] анализ логико-семантической структуры и социально-исторических форм процесса производства, распределения, обмена, потребления определений социальной реальности рассматривается через призму эволюции форм личностной и групповой идентичности. Эта эволюция проходит стадии типизации, институционализации, легитимации, символизации процессов взаимодействия лицом-к-лицу как элементарной «клеточки» социального мира. В разработанной П. Бергером и Т. Лукманом онтологически-смысловой архитектонике «жизненного мира» кластер систем мировоззрения, представленных в мифологии и религии, искусстве и философии, образует самый верхний, предельный уровень символических фреймов идентичности. Однако научно-технологический прогресс вносит в эту схему социального конструирования реальности существенные корректировки, поскольку формирование ценностно-нормативного плана идентичности все более интенсивно смещается в параллельный мир виртуальных коммуникативных практик.

Согласно Э. Эриксону (Erik Erikson), идентичность — это процесс, «посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» [5, с. 32]. Феноменологическим прочтением этой дефиниции могут служить ранние тексты М. М. Бахтина, в которых самоидентичность рассматривается через структуру взаимодействия трех модусов, или интенциональных структур интересубъективности:

«я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня». В контексте нашей темы важно, что М. М. Бахтин, не используя термин «виртуальное», обращается к виртуальному плану самоидентификации.

Элементарным опытом феноменологии виртуального присутствия другого в переживании идентичности является разглядывание своего отражения в зеркале. Положение перед зеркалом всегда несколько фальшиво. Мы видим отражение своей наружности, но не себя: я перед зеркалом, а не в нем. Ведь я сам не вхожу в действительный кругозор моего видения: «Я для себя эстетически нереален» [6, с. 173]. Поэтому между внутренним самоощущением и глядящим на меня из зеркала отражением необходимо вдвинуть экран возможной эмоционально-волевой реакции на мою наружность *другого*. Причем этот другой не может быть каким-то определенным человеком — в этом случае он вытеснит из поля моего представления мой внешний образ и вместо себя я буду видеть *его* с его внешне выраженной реакцией на меня. «Так как у нас нет подхода к самому себе извне, то мы и здесь живаемся в какого-то неопределенного возможного другого, с помощью которого мы и пытаемся найти ценностную позицию по отношению к себе самому, из другого пытаемся мы и здесь оживить и оформить себя; отсюда то своеобразное неестественное выражение нашего лица, которое мы видим в зеркале [и] какого у нас не бывает в жизни» [6, с. 34–35].

В событие самосозерцания вмешан второй участник, фиктивный и необоснованный, но тотально формирующий оценку моей наружности. Отсюда протекают досада и некоторое озлобление на возможного автора моей наружности, «недоверие к нему, ненависть, желание его уничтожить», невольное позирование перед зеркалом в желании придать лицу выражение, представляющееся желательным с позиции внешнего оценивающего взгляда *виртуального другого*, уплотненного почти до онтологической реальности, — целая гамма эмоционально-волевых реакций.

Из феноменологически бесспорного факта: я не один, когда я перед зеркалом, — следует, что ноэтико-ноэматиическое поле идентичности формируется в интерактивном моделировании отношения я-для-себя к я-для-другого. При этом другой как субъект ценностно-смысловой оформленности образа я-для-себя — это не плод воображения и не эмпирический субъект, но интенциональная структура данности я самому себе. Вместе с ее устранением исчезает и ноэтико-ноэматиическое поле идентичности. Это обстоятельство демонстрируется М. М. Бахтиным на таком примере, как попытка опредметить для себя свой внешний образ: «Мой зрительно выраженный образ начнет зыбко определяться рядом со мною, изнутри переживаемым, он едва-едва отделится от моего внутреннего самоощущения, не отрываясь от него сполна; я как бы раздваиваюсь немного, но не распадаюсь окончательно... Нужно некоторое новое усилие, чтобы представить себя самого отчетливо en face, совершенно оторваться от внутреннего самоощущения моего, и, когда это удастся, нас поражает в нашем внешнем образе какая-то своеобразная пустота, призрачность и несколько жуткая одиночность его» [6, с. 32]. С устранением интенциональной структуры я-для-другого и другой-для-меня в виртуальный план переходит уже структура я-для-себя. Не существует феноменологической формы данности самому себе. Как только я пытаюсь определить себя для себя самого (не

для другого и из другого), самоидентичность начинает определяться в категориях еще-не-бытия, смыслового будущего.

Таким образом, в анализе интенциональных структур идентичности требуется феноменологическое описание реальности *sui generis*, выпадающей из онтологически фундаментального различия объективного и субъективного. Этой реальностью выступает способ и смысл бытия я-для-себя в *присутствии другого, существующего виртуально*, «способом существования, свойственным духовным образованиям» [7, с. 312].

Аристотелем вводится различие модальностей сущего, согласно которому необходимо различать категориальные дихотомии *возможное — действительное* и *потенциально сущее — актуальное*. Бытийным модусом возможного являются его *реализация*. Виртуальное же не реализуется, но *актуализируется* как локальное событие. Соответственно и в феноменологических анализах М.М. Бахтина речь идет, вопреки использованной самим Бахтиным терминологии, не о присутствии *возможного* другого, а об актуализации *виртуального* другого.

Можно в этой связи отметить, что в феноменологии Э. Гуссерля (Edmund Husserl), как это подробно разъясняется в V «Картезианском размышлении», «другой» дан мне в своем ноэтико-ноэматическом содержании посредством особой операции сознания — аппрезентации (представляющего перенесения или наложения). Тем самым другой обретает статус *alter ego*, существует как *аналог* или *коррелят* моего *cogito*, «*интенциональная модификация* моего объективированного Я, моего первопорядкового *мира*» [8, с. 467]. Поэтому в концепции трансцендентальной монадологической интерсубъективности Гуссерля неизбежно возникает проблема «трансцендентального солипсизма». Можно согласиться с Ж.-П. Сартром (Jean-Paul Sartre), что концепция интерсубъективности, разработанная Гегелем в «Феноменологии духа», представляет «значительный прогресс по сравнению с Гуссерлем» [9, с. 259]. В гегелевской феноменологии фундаментальным фактом опыта самосознания является не *cogito*, но опыт соотношения бытия-для-себя и бытия-для-иного. Поэтому мое сознание в самом его средоточии должно быть опосредствовано другим сознанием, а бытие-для-другого становится необходимым условием для-себя-бытия: «Самосознание есть в *себе* и *для себя* потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т. е. оно есть только как нечто признанное» [10, с. 99]. В современном мире для значительного числа людей привилегированной сферой реализации сценариев социального признания выступает виртуальное пространство коммуникативных практик.

Еще в начале XX в. Чарльз Кули (Charles Cooley) обосновал положение о том, что вся сфера социальной реальности по своему генезису является продуктом коммуникаций [11, с. 81]. Из всех типов коммуникативных практик, определяющих общий схематизм конструирования социальной реальности, наиболее важной, базовой является такая форма социального взаимодействия, которая происходит в ситуации *лицом-к-лицу*. Коммуникативные практики в ситуациях лицом-к-лицу, в «живом настоящем» непосредственных, «здесь-и-теперь» межличностных взаимодействий — прототип социального отношения как такового, «клеточка» социально-исторического мира. Никакая иная форма социальной взаимосвязи не может с такой полнотой воспроизвести эмоционально-аффективную ауру межсубъектных взаимодействий, взаимообмена едва уловимыми оттенками смыслов и значений, дорефлексивного

взаимопонимания, возникающего на уровне глубинного общения. Но даже в ситуациях прямых межличностных взаимодействий взаимность актов самовыражения реализуется посредством схем типизации, определяющих имманентную логику нормативно-ценностных структур мира повседневности.

В своем социальном поведении человек поставлен перед фактом наличия определенного социального порядка, сформированного как совокупность общепонятных, общепринятых в отдельных социальных группах и/или в обществе в целом норм и правил взаимно согласованных действий, общественно-санкционированных социальных ролей и способов их исполнения. Институциональные порядки и практические императивы мира повседневности воспринимаются индивидами как объективная, независимая и онтологически отличная от их собственных субъективных миров реальность. В книге М. Хайдеггера (Martin Heidegger) «Бытие и время» обосновывается принципиально значимое для фундаментальной онтологии положение о том, что «здесь-бытие» (Dasein, наличное бытие человеческой экзистенции) по своей сути есть «со-бытие» (бытие-вместе, Mitsein). В экзистенциальной аналитике показывается, что Dasein исходно и «ближайшим образом» определено структурами совместного бытия, даже при фактическом отсутствии социального взаимодействия с другими. В этом модусе самоидентификации другие — это *всякий* другой (некто, das Man) как усредненный, унифицированный, безликий субъект мира повседневности. Но поэтому и способ бытия и самопонимания Я определяется сущностной принадлежностью этого модуса идентичности обезличенному миру публичности: «Мы наслаждаемся и веселимся, как *люди* веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как *люди* смотрят и судят; но мы и отшатываемся от толпы, как *люди* отшатываются» [12, с. 126–127].

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, основными операциями конструирования социальных порядков повседневности через многоступенчатые, глубоко эшелонированные системы опосредствования межличностных отношений и коммуникативных практик являются *типизация, институционализация, легитимация и символизация*. В наши дни к этой цепочке следует добавить *виртуализацию*. Однако виртуализация не только прибавляет новое звено к механизму социального конструирования реальности, но и преобразует все его составляющие.

Из определения Жаном-Франсуа Лиотаром (Jean-François Lyotard) сущности эпохи постмодерна следует, что в эту эпоху выходит из употребления метанарративный механизм легитимации [13, р. xxiv]. Таким образом, дискурсивные аппараты формирования и легитимации символического универсума выпадают из процесса социального конструирования сетевого общества эпохи постмодерна, становятся структурно и функционально излишними в его коммуникативных практиках. Место метанарративов занимает гипертекст, в форме которого протекает процесс навигации по виртуальному пространству интернета.

Особенности логико-семантической структуры гипертекста и конструктивные принципы его построения были определены П. А. Флоренским задолго до возникновения технологий интернет-коммуникаций. В своей концепции «конкретной метафизики» П. А. Флоренский формулирует идеи нелинейного письма как семиотической системы, релевантной особому типу духовно-интеллектуальных актов — «круглому мышлению»: «Связи отдельных мыслей органичны и существенны; но они намечены слегка, порою вопросительно, многими, но тонкими линиями. Эти связи,

полу-найденные, полу-искомые, представляются не стальными стержнями и балками отвлеченных строений, а пучками бесчисленных волокон, бесчисленными волосками и паутинками, идущими от мысли не к ближайшим только, а ко многим, к большинству, ко всем прочим. Строение такой мысленной ткани — не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти в любой последовательности, мы возвращаемся к ней же» [14, с. 25].

Важной конструктивной особенностью сети-паутины категорий конкретной метафизики является переход смыслового слоя в виртуальный план. Возникновение виртуальных смысловых полей гипертекста продуцирует невозможные или предельно сложные для артикуляции в системах линейного письма стохастические эффекты возникновения и взаимной генерации латентных, скрытых от процедур рациональной рефлексии смысловых связей и переходов: «В этой сетчатой ткани и промыслившему ее — вовсе не сразу видны все соотношения отдельных узлов и все, содержащиеся в возможности, взаимные вязи мысленных средоточий: и ему, нежданно, открываются новые подходы от средоточия к средоточию, уже закрепленные сетью, но без ясного намерения автора» [14, с. 25].

В свете идей П. А. Флоренского можно критически оценить современные исследования компьютерного гипертекста, посредством которого «мы взаимодействуем с нашими собственными мыслями» [15, р. 42]. М. Хайм (Michael Heim) указывает, что гипертекст «поддерживает интуитивный прыжок через традиционную пошаговую логическую цепочку. Прыжок, а не шаг, является характерным движением в гипертексте» [15, р. 30, 29]. Представление о том, что интуитивное, ассоциативное мышление, которым «упивается разум пользователей гипертекста», превосходит логико-дискурсивные конструкции, является иллюзией. Вместе с тем «этот тренд соответствует нашей общей культурной тенденции предпочитать быстрые образы более сложным паттернам внутренней мысли» [15, р. 38]. В этом замечании М. Хайма схвачена суть принципиального различия между гипертекстом «конкретной метафизики», в котором философ движется в поле виртуальных смыслов собственного мышления, и компьютерным гипертекстом, где виртуальная сеть интуитивно-ассоциативной процессуальности клипового мышления «методически выстраивается по моделям, задаваемым технологиями системной интеграции процессов обработки и передачи информации» [16, с. 63].

Универсализация гипертекстуальной формы организации информационно-коммуникативного поля и кризис легитимности метанаррации функционально взаимосвязаны с трансформациями смысловых контекстов идентификации индивидов и социальных общностей. В предшествующие исторические эпохи касты, сословия, гильдии, корпорации, а затем классы воспринимались как объективно существующие, устойчивые, четко отграниченные друг от друга элементы социальной стратификации. С этих позиций социальная идентичность указывает на «не-что *глубокое, базовое, прочное...* на то, что следует ценить, культивировать, поддерживать, признавать и сохранять» [17, с. 75, 76].

В современном мире социальные группы не просто находятся в состоянии постоянного изменения, но переведены из статуса базовых элементов социального бытия в виртуальный план существования. «Новая эра подвижной реальности

и свободного выбора» [1, с. 180] связана с утверждением онтологической эфемерности социальных групп. Виртуальные страды, эти спонтанно возникающие и столь же неожиданно рассыпающиеся «как бы сообщества» (З. Бауман), становятся моделирующими системами идентичности. Идентичность, по словам З. Баумана, является суррогатом или фантомом того реально существовавшего сообщества, на смену которого она приходит в эпоху позднего модерна. «Идентичность пускает корни на кладбище сообществ» [1, с. 190, 191].

На наш взгляд, противопоставление идентичности и сообщества является надуманной конструкцией. Человек вообще не может идентифицировать себя иначе, чем указанием на общность, в которую он входит. При этом общности могут быть какими угодно — глобальными и локальными, реальными и эфемерными, воображаемыми и виртуальными. Виртуальным формам общности соответствует сетевая организация общества. По классической валентинианской формуле экзистенциальной самоидентификации, «гносис» — знание ответов на вопросы: «Кем мы были и во что мы превратились? Где мы были и куда нас забросило? Куда мы уходим и от чего смерть нас избавила?» Политическая идеология, предоставляя общественному сознанию ответы на вопросы: «Кто мы, что мы делаем, в чем наши ценности, кто наши друзья и враги, в чем наша сила» [18, с. 143], — задает основные параметры позитивной внутригрупповой и общенациональной самоидентификации. При этом смысловое содержание этих ответов формализовано и интегрировано в социально-политические структуры и институты. На «кладбище сообществ» идентичность не только не пускает корни, но и вообще, как совершенно справедливо отмечают Ж. Делёз (Gilles Deleuze) и Ф. Гваттари (Félix Guattari), лишается смысла: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? — вот самые бесполезные вопросы» [19, с. 44].

Восполнением и, в некоторых сферах социальной жизнедеятельности, замещением традиционных типов сообществ их сетевыми формами ознаменован переход к принципиально новому механизму социальной стратификации. Возникновение сети Интернет послужило триггером взрывного ускорения, а затем и приоритетной формой глобального развертывания этих процессов. Мануэль Кастельс (Manuel Castells) отмечает: «...коренная трансформация социальности в сложных обществах сопровождалась заменой пространственных сообществ сетями в качестве основных форм социальности» [20, с. 154]. К выводам М. Кастельса присоединяются многие авторы, исследующие специфику современного типа социальной онтологии. Например, А. В. Назарчук пишет: «Если раньше сети представляли собой сегмент в целом несетевом мире, то сегодня все, что не является сетями или еще не является сетями, образует маргинализирующуюся часть мира, обреченного быть сетевым» [16, с. 70].

Как отмечает М. Кастельс, в сетевом обществе поиски и конструирование индивидуальной и коллективной идентичности становятся основным источником и механизмом генерации социального смысла [21, р. 3]. Формирование сетевого типа идентичности и конструирование ее сетевых моделей связано с возникновением особого типа культуры — культуры «реальной виртуальности, которая формирует коммуникацию в сетевом обществе» [22, р. 426]. Под реальной виртуальностью понимается процесс превращения социальных объектов, процессов и событий в электронные базы данных и пакеты информации, циркулирующей в глобальной информационно-коммуникативной сети. М. Шрофф (Marie Shroff) и А. Фордхэм

(Annabel Fordham) используют метафору «цифровая тень» для обозначения способа представленности личностной идентичности в виртуальном пространстве сетевой коммуникации [23, р. 303]. Однако эта тень такого рода, что она может приобрести известную независимость и даже власть над отбрасывающим ее человеком. В формировании своего цифрового аватара индивид не скован большей частью запретами и нормами, каким он вынужден следовать в своей офлайн-жизни. «Окно Овертона» в пространстве виртуальной коммуникации распахнуто настежь для реализации фантазий и прихотей, освобождения от комплексов и фобий, рискованных экспериментов и свободной игры с различными версиями-аватарами собственной идентичности. В виртуальном мире всплывают на поверхность многие аспекты личности, дотоле скрытые от нее самой.

«Что, однако, может быть более примечательным, чем то, что наши онлайн-черты бессознательно внедряются в нашу офлайн-жизнь... и наша офлайн-персона все больше напоминает нашего аватара?» [24, р. 9] Как считает Э. Абуджауд (Elias Aboajaoude), немногие люди сохранили способность четко отделять друг от друга реальную (офлайн) и виртуальную (онлайн) области окружающего мира (Umwelt) и своего собственного жизненного мира (Lebenswelt): «Для остальных из нас, однако, это разделение больше неосуществимо, и мы живем в чем-то, что напоминает мутную эмульсию, экзистенциальный эквивалент хорошо перемешанного винегрета» [24, р. 20]. Бывают и экстремальные версии виртуальной идентичности, когда ее выстраивание становится не столько киберпротезированием, сколько обретением себя. Такой экстремальный опыт проделал Д. Уиндер (Davey Winder).

В результате вирусной инфекции Д. Уиндер получил паралич и тяжелое поражение мозга. Он поставил себе целью не возратить себе утраченную индивидуальность, но создать совершенно новую, составленную из ряда аватаров в киберпространстве интернета. При этом аватары становились не разного рода масками, за которыми скрывалась личность их создателя. Они должны были стать составными частями, гранями множественной, или совместной, идентичности. Свое решение Д. Уиндер обосновывает следующим образом: «Мы живем в сетевом мире... Традиционное понимание идентичности, которое гласит, что у нас есть единая, преобладающая, основная идентичность, которая определяет нас как личность, просто больше не действует, поскольку мы стремглав бросаемся в цифровую эпоху. В наш век социальных сетей, блогов, захватывающих игр и виртуальных миров не может быть ни одной части нас, которая отражала бы все, что мы есть» [25, р. 223].

Традиционно множественная личность, или «различающаяся идентичность», квалифицируется в психиатрии как психическое расстройство. В этом состоянии каждая из эго-идентичностей обладает своими собственными, независимыми паттернами самосознания и поведения. Ярким примером множественной идентичности является феномен Уильяма Миллигана, обладавшего 24 альтер-личностями [26]. Каждая из этих личностей имела собственные отличительные особенности, начиная от половой принадлежности, возраста, расы и национальности и до особых черт характера, привычек, пристрастий, способностей (к математике, физике, программированию, инженерному делу, музыке, рисованию), владения языками, мировоззрения и политических взглядов, уровня развития интеллекта.

Разумеется, нельзя ставить знака равенства и проводить прямые аналогии между двумя типами множественной идентичности, представленными в феноменах

Д. Уиндера и У. Миллигана. Множественные личности У. Миллигана являются следствием психической диссоциации, множественные онлайн идентичности Д. Уиндера являются продуктом их интерактивного моделирования. В контексте нашей темы представляет особый интерес опыт построения стратегий идентичности на основе отказа от универсальности картезиански-кантианской модели трансцендентальной эго-идентичности и ее замещения виртуальными пространствами бытия по ту сторону самого себя, вне собственного Я. В описаниях духовных состояний «Восток не испытывает трудностей в постижении сознания *без Эго*» [27, с. 97]. Просветленное сознание, очищенное от трансцендентального схематизма рефлексивных структур субъективности, существует в иной логике — логике свободной спонтанности своих виртуальных состояний. Стратегия идентичности децентрированного сознания в буддизме и даосизме состоит в переходе между различными психическими состояниями, не абстрагируя ни одно из них в качестве управляющего центра, тем самым связывая наше Я с конечной определенностью, ограничивающей и исключающей все остальные возможности. Поэтому идентичность сама по себе не может быть определена формулой тождества Я = Я. Она имеет онтологическую природу виртуальной частицы, определяемой и существующей для внешнего наблюдателя и для самого субъекта через спектр своих превращений-актуализаций.

В европейской культуре примерами разработки и применения философских технологий интерактивного моделирования множественной идентичности может служить творчество С. Киркегора (Søren Kierkegaard) и Ф. Ницше (Friedrich Nietzsche). Замещение С. Киркегором авторского Я чередой псевдонимов имеет целью высветить подлинную суть экзистенциального события в его собственной реальности, независимой от психологических, эстетических, этических установок автора текста. Псевдоним — это имя *концептуального персонажа*, появление которого производит коренную перестройку механизма идентификации: «Концептуальные персонажи — “гетеронимы” философа, а имя самого философа — просто псевдоним его персонажей» [28, с. 83]. Философ идентифицируется с изобретенными им концептуальными персонажами как виртуальными субъектами движения философской мысли.

В ницшеанском вызове культуре самоидентификационные усилия личности в их внутренне обоснованной устремленности к всеобщезначимому оборачиваются протеистической стратегией анонимности, стремлением не обнаружить себя, явиться «фигурой умолчания» в социокультурных нормах и императивах. «Для Ницше патогенной оказывается ситуация не “я-отсутствия”, — скольжение во множестве различного, — а “я-присутствие” — иллюзия универсальной самоидентичности, центрированности волевой функции “я” в мире» [29, с. 202–203]. В противовес классической традиции культурного самосознания Запада самоидентичность Я объявляется иллюзией, целью и средством коммуникативного поведения становится экс-центризм Эго, самоускользание в безумные серии смены масок и миражи самоименований. Ф. Ницше задается вопросом: «...как избежать универсальной культурной максимы самоидентичности... как не найти свое “я” в высказываниях подобных этому: “Я, профессор филологии Фридрих Ницше, полагаю, что...”» [29, с. 202].

Преодоление заданных культурой архетипов личностной идентичности выступает предпосылкой свободного самосознательного действия в мире духовных

смыслов, где «ничто не выводимо, все заново, все конкретно» (М. К. Мамардашвили). В этом мире самоидентификация является процессом, в котором я изменяюсь своей мыслью, создавая в себе самом действующую причину ее возможности. Современные информационно-коммуникативные технологии создают некую «нишу позади реальности» (С. Киркегор), где становится возможным проводить любые эксперименты с Я-концепцией. Подобного рода процессы виртуального моделирования идентичности по интенсивности переживания и формальному составу внутренней ориентации рефлексии могут быть неотличимы от субъектного самостановления, а произвольное манипулирование своим Я может быть принято за онтологическую реальность духовной свободы. Виртуальные миры сетевого общества раскрывают наиболее широкие возможности для конструирования индивидуальной, групповой, национально-государственной, культурно-цивилизационной и т. д. идентичностей, но вместе с тем множат риски их деградации, диссоциации, утраты.

Литература

1. Бауман, З. (2005), *Индивидуализированное общество*, пер. с англ. под ред. Иноземцева, В. Л., М.: Логос.
2. Huntington, S. P. (1998), *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York and London: Simon & Schuster.
3. UNDP (2004), *Human Development Report 2004. Cultural Freedom in the Modern Diverse World*, Oxford: United Nations Development Programme.
4. Berger, P.L. and Luckmann, Th. (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, NY: Doubleday.
5. Эриксон, Э. (1996), *Идентичность: юность и кризис*: пер. с англ., общ. ред. и предисл. Толстых, А. В. М.: Прогресс.
6. Бахтин, М. М. (1986), Автор и герой в эстетической деятельности, в: Бахтин, М. М., *Эстетика словесного творчества*, 2-е изд., М.: Искусство, с. 9–191.
7. Бергсон, А. (1992), Материя и память, в: Бергсон, А. *Собрание сочинений*, в 4 т., т. 1, М.: Московский клуб.
8. Гуссерль, Э. (2000), Картезианские размышления, в: Гуссерль, Э., *Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука*, Минск: Харвест; М.: АСТ, с. 325–523.
9. Сартр, Ж. П. (2000), *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*, М.: Республика.
10. Гегель, Г. В. Ф. (1959), Феноменология духа, в: Гегель Г. В. Ф., *Сочинения*, т. IV, М.: Издательство социально-экономической литературы.
11. Кули, Ч. Х. (2000), *Человеческая природа и социальный порядок*, М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
12. Хайдеггер, М. (1997), *Бытие и время*, М.: Ad Marginem.
13. Lyotard, J.-F. (1984), *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, University of Minnesota Press.
14. Флоренский, П. А. (1998), У водоразделов мысли, в: Флоренский, П. А., *Имена: Сочинения*, М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, с. 15–340.
15. Heim, M. (1993), *The Metaphysics of Virtual Reality*, New York: Oxford University Press.
16. Назарчук, А. В. (2008), Сетевое общество и его философское осмысление, *Вопросы философии*, № 7, с. 61–75.
17. Брубейкер, Р. (2012), *Этничность без групп*, пер. с англ. Борисова, И., М.: Изд. дом ВШЭ.
18. Мусихин, Г. И. (2011), Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения, *Политические исследования*, № 5, с. 128–144.
19. Делёз, Ж. и Гваттари, Ф. (2010), *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*, пер. с франц. и послесл. Свирский, Я. И.; науч. ред. Кузнецов, В. Ю., Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.

20. Кастельс, М. (2004), *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, Екатеринбург: У-Фактория.
21. Castells, M. (2010), *The Rise of the Network Society*, 2nd ed. with a new Preface, vol. I: The Information Age: Economy, Society, and Culture (Information Age Series), Oxford: Wiley-Blackwell.
22. Castells, M. (2010), *The Power of Identity*, 2nd ed. with a new Preface: vol II: The Information Age: Economy, Society, and Culture (Information Age Series), Oxford: Wiley-Blackwell.
23. Shroff, M. and Fordham, A. (2010), «Do you know who I am?» — exploring identity and privacy, *Information Polity*, vol. 15, no. 4, pp. 299–307.
24. Aboujaoude, E. (2011), *Virtually You: The Dangerous Powers of the E-Personality*, New York and London: Norton & Company.
25. Winder, D. (2008), *Being Virtual. Who You Really Are Online*, Chichester: John Wiley & Sons Ltd.
26. Keyes, D. (1981), *The Minds of Billy Milligan*, New York: Random House.
- Юнг, К.Г. (1988), Различие восточного и западного мышления, *Философские науки*, № 10, с. 92–103.
28. Делёз, Ж. и Гваттари, Ф. (1998), *Что такое философия?*, М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя.
29. Подорога, В.А. (1995), *Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка*, М.: Ad Marginem.

Статья поступила в редакцию 24 января 2022 г.;
рекомендована к печати 5 июля 2022 г.

Контактная информация:

Курганская Валентина Дмитриевна — д-р филос. наук, проф.; vkurganskaya@mail.ru
Дунаев Владимир Юрьевич — д-р филос. наук, проф.; vlad.dunaev2011@yandex.kz
Сагикызы Аяжан — д-р филос. наук, проф.; ayazhan@list.ru

The phenomenon of identity in the social construction of virtual reality*

V. D. Kurganskaya¹, V. Yu. Dunaev¹, A. Sagikyzy^{1,2}

¹ Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies
of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan
29, ul. Kurmangazy, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

² Al-Farabi Kazakh National University,
71, al-Farabi pr., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

For citation: Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu., Sagikyzy A. The phenomenon of identity in the social construction of virtual reality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 487–499. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.404> (In Russian)

This paper examines the interactions between the processes of social institution virtualization, information and communication practices; as well as the processes of construction of value-semantic structures of individual and collective identities. Authors support the idea that determining how a person generates virtual reality and how virtual reality develops a person is the primary focus of phenomenological analysis and socio-philosophical research on identity transitions in current circumstances. The early phenomenological texts of M.M. Bakhtin serve as an illustration of the virtuality presented in intentional identity formations. Authors demonstrated

* The article was prepared as part of the funding of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan — grant BR10965263 “Social modernization of Kazakhstan society: ideological foundations, conceptual models, socio-cultural processes, socio-political technologies”.

that the interactive modeling of the I-for-myself relationship to the virtual presence of the other is where the noetic-noematic field of identity is generated. The sociology of knowledge is among the most promising approaches for locating intentional identity structures in people's and social groupings' daily lives. The social construction of reality is seen as an objective socio-historical process that shapes the reality of the intersubjective world according to its paradigm. We argue that changes in the semantic contexts of individual and social community identification are shown to be functionally related to the virtualization of the information and communication field of intersubjectivity. Social groups no longer serve as the fundamental building blocks of social existence in the modern world; instead, they do exist virtually now. Authors do follow Z. Bauman's idea that virtual groups, which emerge haphazardly and then abruptly disintegrate into so-called communities (Z. Bauman), become modeling systems of identity. The final statement of paper is that the emergence of the Internet acted as a catalyst for the explosive acceleration, and eventually as a primary method of global deployment, of the processes of formation of new types of identity, new models, and strategies for its construction through risky experiments and unrestrained play with various versions of one's own identity.

Keywords: identity, virtual reality, communication, Internet, network society, hypertext.

References

1. Bauman, Z. (2005), *Individualized society*, transl. from English., ed. by Inozemtsev, V.L., Moscow: Logos Publ. (In Russian)
2. Huntington, S. P. (1998), *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York and London: Simon & Schuster.
3. UNDP. (2004), *Human Development Report 2004. Cultural Freedom in the Modern Diverse World*, Oxford: United Nations Development Programme.
4. Berger, P.L. and Luckmann, Th. (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, N. Y.: Doubleday.
5. Erickson, E. (1996), *Identity: youth and crisis*: Translated from English, General ed. and preface by Tolstykh, A. V., Moscow: Progress Publ. (In Russian)
6. Bakhtin, M.M. (1986), Author and hero in aesthetic activity, in: Bakhtin, M. M. *Aesthetics of verbal creativity*, 2nd ed., Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 9–191. (In Russian)
7. Bergson, A. (1992), Matter and Memory, in: Bergson, A., *Collected works in 4 vols*, vol. 1, Moscow: Moskovskii klub Publ. (In Russian)
8. Husserl, E. (2000), Cartesian Reflections, in Husserl E., *Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a strict science*, Minsk: Harvest Publ.; Moscow: AST Publ., pp. 325–523. (In Russian)
9. Sartre, J.P. (2000), *Being and Nothingness: The Experience of phenomenological ontology*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
10. Hegel, G.W.F. (1959), Phenomenology of the spirit, in: Hegel, G.W.F., *Works, vol. IV*, Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literaturny Publ. (In Russian)
11. Cooley, C. H. (2000), *Human nature and social order*, Moscow: Ideia-Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russian)
12. Heidegger, M. (1997), *Being and Time*, Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
13. Lyotard, J.-F. (1984), *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, University of Minnesota Press.
14. Florensky, P.A. (1998), At the watersheds of Thought, in: Florensky, P.A. *Names: Essays*, Moscow: EKSMO-Press Publ.; Kharkov: Folio Publ, pp. 15–340. (In Russian)
15. Heim, M. (1993), *The Metaphysics of Virtual Reality*, NY: Oxford University Press.
16. Nazarchuk, A.V. (2008), Network society and its philosophical understanding, *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 61–75. (In Russian)
17. Brubaker, R. (2012), *Ethnicity without groups*, transl. from English by Borisova, I. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
18. Musikhin, G. I. (2011), Discursive analysis of ideologies: Possibilities and limitations, *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 128–144. (In Russian)
19. Deleuze, J. and Guattari, F. (2010), *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, transl. from

French and afterword by Svirsky, Ya. I.; scientific ed. by Kuznetsov, V. Yu., Ekaterinburg: U-Faktoriia Publ.; Moscow: Astrel Publ. (In Russian)

20. Castels, M. (2004), *Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society*, Yekaterinburg: U-Faktoriia Publ. (In Russian)

21. Castells, M. (2010), *The Rise of the Network Society*, 2nd ed. with a new preface, vol. I: The Information Age: Economy, Society, and Culture (Information Age Series), Oxford: Wiley-Blackwell.

22. Castells, M. (2010), *The Power of Identity*, 2nd ed. with a new preface, vol. II: The Information Age: Economy, Society, and Culture (Information Age Series), Oxford: Wiley-Blackwell.

23. Shroff, M. and Fordham, A. (2010), “Do you know who I am?” — exploring identity and privacy, *Information Polity*, vol. 15, no. 4, pp. 299–307.

24. Aboujaoude, E. (2011), *Virtually You: The Dangerous Powers of the E-Personality*, New York and London: Norton & Company.

25. Winder, D. (2008), *Being Virtual. Who You Really Are Online*, Chichester: John Wiley & Sons Ltd.

26. Keyes, D. (1981), *The Minds of Billy Milligan*, New York: Random House.

27. Jung, K. G. (1988), The difference between Eastern and Western thinking, *Filosofskie nauki*, no. 10, pp. 92–103.

28. Deleuze, J. and Guattari, F. (1998), *What is philosophy?*, Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Pibl.; St Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)

29. Podoroga, V. A. (1995), *Expression and meaning. Landscape worlds of philosophy: S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, M. Proust, F. Kafka*, Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)

Received January 24, 2022

Accepted: July 5, 2022

Authors' information:

Valentina D. Kurganskaya — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; vkurganskaya@mail.ru

Vladimir Yu. Dunaev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; vlad.dunaev2011@yandex.kz

Ayazhan Sagikyzy — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; ayazhan@list.ru